



<Е. В. ТАРЛЕ?>

<Рец. на кн.:> *Сергей Булгаков. Философия хозяйства. Ч. I: Мир как хозяйство*

М.: Книгоиздательство «Путь», 1912. Ц. 2 р.

Заглавие, данное г. Булгаковым своему труду, легко может ввести многих в недоразумение. Правильнее было бы озаглавить книгу как-нибудь иначе, например: «Хозяйственное богословие», — тем более, что желание восполнить «опустошенное богословие» сыграло едва ли не главную роль в ее появлении. «В эпоху упадка догматического самосознания... особенно важно, — говорит автор в предисловии, — выдвинуть онтологическую и космологическую сторону христианства... Для этого необходимо обратиться к религиозной онтологии, космологии и антропологии свв. Афанасия Александрийского, Григория Нисского и др. древних учителей Церкви... В число задач настоящего исследования входит попытка перевести некоторые из этих учений на язык современного философского мышления». Соответственно с этим, в книге, посвященной хозяйству, мы находим более или менее пространные рассуждения о таких предметах, как: «триипостасность Божия», «Божественная София», «первозданный Адам», «сад Эдемский», «грехопадение», «изгнание из рая», «воплощения Бога-Слова», «новый Адам-Христос», «Тело Христово — Церковь», «Ангелы-хранители», «Антихрист»... Даже «трехдневный и смердящий Лазарь» не забыт; даже «неизреченные глаголы, их же не лень есть человеку глаголати», нашли себе место в исследовании г. Булгакова. Чуть ли не все православное вероучение он «перевел на язык современного философского мышления» и во всем открыл «онтологическую и космологическую сторону». На хозяйстве же он только «ориентировался». Конечно, для такой ориентировки не годилось хозяйство в обычном понимании этого слова. «Хозяй-

ство, — по определению г. Булгакова, — есть выражение борьбы двух метафизических начал жизни и смерти» (44). «Содержание хозяйственного процесса можно еще выразить и так: в нем выражается стремление превратить мертвую материю, действующую с механической необходимостью, в живое тело, с его органической целесообразностью» (43). «Хозяйство в этом смысле, — замечает г. Булгаков, — свойственно всему живому, не только человеческому, но и животному миру» (43). Можно было пойти и дальше: «хозяйство в этом смысле» свойственно и растениям, которые тоже ведь превращают мертвую материю в живой организм. «Однако, — пишет на той же странице г. Булгаков, — в точном смысле этого слова хозяйственная деятельность свойственна только человеку». Откуда взялся этот «точный смысл» — совершенно неизвестно; но он нужен автору, чтобы от жизни и смерти перескочить к другой, малозаметной у животных и не видной у растений «полярности бытия», — к субъекту и объекту — и дать такое определение хозяйству: «всякий хозяйственный акт осуществляет собою некоторое влияние субъекта и объекта, внедрение субъекта в объект, субъективирование объекта, или же выход субъекта из себя в мире вещей, т. е. объективирование субъекта» (50). Отсюда уже рукой подать до «Абсолютного», которое пишется с большой буквы, — до Абсолютного, в котором «эта полярность бытия погашается», в котором «субъект-объектность полагается в едином, тождественном, вневременном, акте: тайна Святой Троицы и внутритроичной жизни!» (98)... Приведем еще один образчик богословских изысканий г. Булгакова, «ориентированных на хозяйстве». Потребление, в частности, питание, он определяет так: «Еда есть натуральное причащение плоти мира» (84). Опираясь на это определение и слегка коснувшись загробных духов, будто бы материализующихся на спиритических сеансах, он немедленно выдвигает онтологическую сторону воплощения Бога-Слова и «самого великого христианского таинства» — евхаристии. Через две страницы он уже пишет: «Если еда есть причащение плоти мира, то вкушение Тела и Крови Христовой...» и т. д. (86). — Столь плодотворные для богословия результаты хозяйственных изысканий г. Булгакова в значительной мере обязаны его «философии», которая — насколько мы в состоянии понять и связно изложить ее, — сводится вкратце к следующему. Бог, создавший «вне Себя существующее, внебожественное бытие», «почтил этот мир свободой и автономностью» (86). По этой или по какой другой причине, но произошла «космическая», «метафизическая катастрофа»: первозданный

Адам «отпал от Бога вместе с тварью» (132). «Конечно, это событие совершилось не во времени» (149) — поясняет философ.

Благодаря этому «грехопадению», по-видимому, и появилась всякая полярность бытия, в частности жизнь и смерть, находящиеся в неустанной борьбе между собою. Но «смерти Бог не создал», как удостоверил еще Соломон. Притом же обмен веществ свидетельствует, что между живым и мертвым нет метафизической грани. По достаточном размышлении г. Булгаков пришел к выводу, что в действительности «нет смерти» (79); «есть только жизнь, а то, что принимают за смерть и безжизненный механизм, есть ущерб, перерыв жизни, ее обморок, сопровождаемый и обмороком природы» (205). «Привести природу в чувство», «воскресить» ее, «искупить изначальное ее растление», — «восстановить внутреннюю связь и соотношение элементов мира, нарушенные грехопадением», «очеловечить» природу — это и составляет задачу хозяйства, а вместе с тем содержание исторического процесса. Имеется «трансцендентальный субъект хозяйства», тождественный с трансцендентальным субъектом знания (открытым Шеллингом), который и направляет историю к этой цели. Субъект этот — не идея или метод только, он «существует», «имеет бытие в себе» (117). Имен у него много: «целокупное человечество», «Душа мира», «Божественная София», «Плерома», «*Natura naturans*»<sup>1</sup>, «Логос»<sup>2</sup>, «мировой хозяин», «демиург», «Провидение»... Из всех имен трансцендентального субъекта г. Булгаков, видимо, предпочитает Божественную Софию, «проводящую в мир божественные силы Логоса». «Над дальним миром реет эта горняя София, просвечивая в нем, как разум, как красота, как... хозяйство и культура» (139). В дальнейшем исследовании оказывается, что имеются даже две Софии: София Небесная и София эмпирическая, или человечество метафизическое и историческое. Живою связью между ними служит «Христос, воплотившийся Логос, тело которого есть Церковь, София Небесная» (150—151). Профанам может, конечно, показаться странным, что человечество и Провидение являются синонимами. Но оказывается, что каждый человек «воплощает в себе творческую идею, имеет в себе известное идеальное задание, предвечно существует, как представление Бога» (219). Эти идеальные образы, к слову сказать, и суть «ангелы-хранители, имеющиеся у каждого человека». «Слияние индивидов в человечество основано... на реальной их причастности единому целому, коего они являются индивидуальными аспектами» (225). В силу дарованной людям свободы они могут уподобляться предвечным представлениям Бога или

отдаляться от них (219). Но эта свобода распространяется лишь на ход исторического процесса, но не на его исход, «отвечающий божественному плану» и «гарантированный» Промыслом Божиим (237). Такова эта философия, ориентированная, как видит читатель, не столько на хозяйстве, сколько на Боге. Нет поэтому ничего удивительного, что результаты исследования г. Булгакова оказались столь плодотворны для богословия. Конечно, эта философия (философия Шеллинга, реставрированная богословом, который не может забыть, что он выступил на литературную арену в качестве экономического материалиста) не опирается на науку и, в частности, на естествознание, а в некоторых своих положениях даже «противоречит основным его фактам и устоям» (88). Но г. Булгаков не смущается этим: он ведь оперирует, «так сказать, поверх частных истин естествознания». Да и вообще: «Истина лежит по ту сторону знания». «Неизреченность и, вследствие этого, тайна, как облако, окружает Истину, но ей становятся сопричастны те, кто удостоивается стать органом ее *откровения*. Она не познается в науках, но *открывает* себя...». Открывает себя, между прочим, «в виде гениальных интуиций философских гениев» (158). «К Истине прямо и непосредственно ведет один только путь — религиозного подвига, приятия в себя Того, кто сказал о Себе: «Я — путь, истина и жизнь», и кто приобщается жизни в нем, тот сопричтен уже и жизни в Истине. Он становится живым членом Божественной Софии, Тела Христова, Его Церкви» (158). Сам г. Булгаков сопричастился Истине, по-видимому, этим именно путем. В таком случае мы имеем дело не только с богословской, но и богооткровенной книгой... Едва ли, однако, признает ее за таковую православная Церковь. Даже древних своих учителей, ориентировавшихся всецело на Боге, но обнаруживавших излишнюю склонность к умозрительной спекуляции, как, например, Оригена и Августина<sup>3</sup>, она не причислила к лику святых и считает их лишь блаженными. Нового же учителя, перешедшего из экономических материалистов и ориентирующегося не только на Боге, но и на хозяйстве, она, пожалуй, заподозрит даже в ереси...

